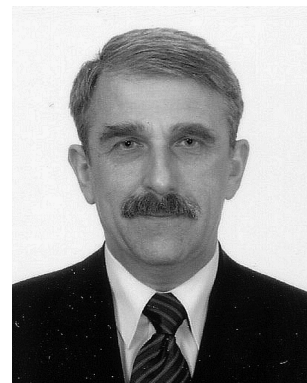

УДК 115:34:304

Сигалов К.Е.

Пространственные и темпоральные характеристики права

Сигалов Константин Елизарович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России

E-mail: Sigalovconst@mail.ru

В статье рассматривается соотношение пространства, времени и права. Пространственные и временные аспекты генезиса и существования права имеют существенное значение для понимания его сущности, фиксирования и предвидения юридических ситуаций, понимания существа правовых культур, правосознания, характерного для различных цивилизаций.

Ключевые слова: пространство, время, динамика, границы, координаты, географические условия, разделение мира, самоизоляция, правовые культуры.

Пространство и время как формы бытия материи всегда окружали человека, они близки как в теоретической, так и обыденной жизни. В соответствии с пространственными и темпоральными понятиями люди выстраивали параметры жизненного устройства, пространство и время всегда носили нормативный характер, ибо именно с ними люди соотносили практически все формализованные факторы своих отношений с природой, обществом и в межличностном общении. Вместе с тем и пространство, и время всегда вызывали у человека чувство опасения, порой они были загадочны и непознаваемы. Семиотический подход в восприятии феноменов бытия предполагает «кодирование» времени в образы пространства. Б.А. Успенский пишет: «...опыт восприятия пространства предстаёт как первичный в гносеологическом отношении; соответственно, он может определять восприятие времени – время может осмысляться как пространство. Пространство и время предстают в нашем сознании как соотносимые явления (категории, формы бытия). Они как бы изоморфны и могут быть уподоблены друг другу: так, в частности, если пространство наполнено предметами, то время наполнено событиями, и ориентация в пространстве (правое – левое) соответствует ориентации во времени (до – после), и т.п.; соответственно, они легко перекодируются друг в друга. Основная разница между пространством и временем¹ проявляется в их отношении к человеку как воспринимающему субъекту: пространство пассивно по отношению к человеку, тогда как человек активен относительно пространства; напротив, время активно по отношению к человеку, тогда как человек пассивен в отношении времени². Пространство воспринимается непосредственно, а время – опосредованно. Гносеологическая первичность восприятия пространства, лежащая в основе представлений о временном процессе как пути и путешествии, о рубежах и границах времён и т. п., есть, прежде всего, интуиция целого, ограниченного кругозором и структурированного перспективой видения. Ценностная ориентация времени и пространства, осуществляемая в восприятии человека как «центра эстетического видения», взаимоопределяет пространство через время и время через пространство³.

Восприятие пространства и времени различны у разных народов, и это довольно чётко отражается в языке. Есть языки, в которых только три времени, а есть языки, в которых существуют относительные времена, дающие ступенчатое отражение восприятия времени в грамматике относительно точки отсчёта конкретного события. Следовательно, в разных культурах восприятие и описание темпоральных параметров также различно⁴.

¹ Но люди всегда обожествляли и демонизировали время. Зевс начинает свой победоносный путь на Олимп с победы над своим отцом, жестоким Кроносом (Временем), пожиравшим своих детей. Кронос олицетворялся с внешней силой, которую человек не может одолеть.

² Успенский Б.А. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 42.

³ Некая архетипическая соотнесённость времени и пространства выражается в самой этимологии слова «время», восходящему к индоевропейскому *vert-/vort* и славянским словам «вертеть», «вращать». Отсюда и древнерусское слово «вьерста», обозначающее меру измерения, относящуюся как к пространству, так и ко времени, – как меру длины («верста»), так и меру длительности («возраст»). См.: Верле А.В. Пространство прошлого: ритм – контекст – событие // Модусы времени: социально-философский анализ: Сб. статей под ред. И.В. Кузина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета. С. 81–82.

⁴ В немецком языке пространственное понятие «Raum» связывается с понятием чистоты, пустоты и ограничения даже фонетически. В русском языке пространство означает, прежде всего, широту, пространственность, неограниченность. Отсюда становится ясным, что в смысловом плане более содержателен и понятен немецкий термин «Rechtsraum», нежели его русский перевод – «правовое пространство».

Течение времени неоднородно, его насыщенность действиями и событиями различна на разных исторических этапах развития общества, жизни человека, его восприятия мира, что было известно всегда: «И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько дней, потому что он любил её»¹.

Пространством проще распоряжаться: оно вполне ощутимо и измеримо, его можно объявить своей собственностью, захватить или продать. Измерять время научились гораздо позже, распоряжаться им, быть «хозяином времени» могли быть далеко не все².

Сложность понимания категорий правового пространства и правового времени связана с необходимостью повседневного оперирования ими. Человек может и не задумываться об их смысле – для него гораздо важнее чисто субъективные восприятия этих категорий. Пространственно-временные характеристики буквально пронизывают культуру. Для любого человека они являются наиболее фундаментальными категориями (наряду с категорией движения), через которые он воспринимает социальное бытие. Все науки, как естественнонаучного, так и гуманитарного циклов, так или иначе, оперируют этими категориями.

Для права понятия пространства и времени означает чрезвычайно много. Огромное разнообразие форм государственного устройства, обусловленных историческим временем, в которых эти государственные образования существуют, предполагает огромное разнообразие их пространственного оформления (государства большие и малые, унитарные и федеративные, мононациональные и полинациональные, находящиеся в различных регионах, климатических поясах, природных условиях и т.п.). История о праве и государстве даёт гигантское разнообразие представлений о связи пространственной парадигмы с формой государственного устройства, режимом правления, национальными традициями и т.п. Право так же, как и любое социокультурное явление, развивается во времени и пространстве. Это проявляется не только в том, что действие нормативно-правовых актов происходит во времени и пространстве, не только в том, что сами современные правовые системы, имеют различия в зависимости от регионов и национальной принадлежности.

В социальном аспекте пространственно-временной континуум проявляется не только в фазисном восхождении от низших культур к высшим, прохождении ими определённых этапов развития, занятии типов пространств, но и в том, что в рамках одной и той же страны, т.е. в рамках одного и того же исторического пространства, могут существовать регионы (подпространства), живущие как бы в разное время. В современной России, как и во всём мире, есть регионы, освоившие передовые технологии, современную политическую и правовую культуру, есть регионы, живущие с заметным отставанием во времени³.

Современный многообразный мир также даёт самые различные примеры того, насколько пластично социальное пространство и социальное время. Цивилизации, имеющие свою пространственную определённость, устанавливают у «себя дома» своё собственное время. Не случайно в разных цивилизациях действуют не только различные календари, но исчисление часов и минут в пределах суток также производится по-разному. Время напрямую обуславливает сам принцип течения жизни, отношение к рождению и смерти. Это отношение весьма различно, в некоторых цивилизациях прямо противоположно. Ценность индивидуальной человеческой жизни, значимость времени её длительности, представления о её конечности и невосполнимости рождают одни аксиологические парадигмы; представления о реинкарнации, игнорирующее необходимость решения всех жизненных проблем в рамках одной человеческой жизни, – другие. Стадиальность временного параметра одних цивилизаций была обусловлена динамичностью их развития. Цикличность других – стагнационностью. Отношение к пространству также в разных цивилизациях различно.

Воспитанное на Западе уважение к собственности отражает весь ход исторического развития Запада, с его оседлостью, характером феодальных отношений, каменными городами, ограниченностью географического пространства и невозможностью бросить всё и начать заново, построенным навеки домом, передаваемым последующим поколениям («мой дом – моя крепость»).

Россия не знала не ограниченности географического пространства, ни каменных городов и добротных домов, передаваемых последующим поколениям, ни возможности кому-либо, кроме государя, почувствовать собственность как таковую.

Отношения к пространству на Востоке еще более отличалось от западного. Пространство никогда не принадлежало личности. Оно могло находиться и в ведении общины, и верховного правителя, всего социума в целом, но исключительно редко принадлежало индивиду. Его собственная жизнь, собственное жизненное пространство также не было в его власти, как всё, что его окружало. Собственно и для правителей цивилизаций, в основе которых лежала скотоводческая, кочевая культура, пространство представляло условную ценность. Правитель правил над людьми, а не над территориями: своим принято было считать ту территорию, которую в силу каких-либо причин заняли его подданные. Точные границы многих государств на Ближнем Востоке были установлены только в XX в. и то под влиянием европейцев и с их помощью.

Течение жизни, её динамика и расположение жизни, её статика были в разных цивилизациях различными. Это определяет характер отношений как внутри социума, так и за его пределами. Столкновение различных цивилизаций, живущих не только в разном географическом пространстве, но в разном духовном, культурном, экономическом, политическом и правовом пространстве, живущим совершенно в разном социальном времени и совершенно по-разному понимающих течение времени (как физического, так и социального), приводит к серьёзным конфликтам. То, что в одном мире считается естественным, законным, достойным политического,

¹ Бытие, гл. 29, ст. 20 // Библия. М.: Изд-во «Российское библейское общество», 2009.

² Кстати, подобное отношение ко времени сохраняется ещё долго. Покушение на чужое пространство всегда считалось преступлением, однако до сих пор остаются неурегулированными вопросы покушения на чужое время.

³ Замечено, что в России столичные реалии зачастую опережают провинциальные. Причём зачастую именно потому, что «провинция» делегирует лучшие достижения, передовые идеи, наиболее «продвинутых» индивидов в столицу. Таковы уж реалии российского государства, и они обусловлены его имперским менталитетом. Через некоторое время «провинция» начинает жить по столичным канонам, а столица опять уходит вперёд во времени

идеологического, религиозного, морального и даже эстетического одобрения, в другом мире воспринимается как противоестественное, незаконное, безбожное и достойное только всяческого осуждения.

Сегодня всё сложнее осуществлять принцип применения равной меры к разным людям. Сталкивающиеся в своём развитии цивилизации неизбежно «взаимопроникают» друг в друга. Взаимное непонимание и неприятие цивилизационных ценностей друг друга создаёт серьёзнейшие политические и правовые проблемы. Но именно право может стать действенным инструментом справедливого регулирования отношений между представителями разных цивилизаций. Принятие или непринятие права страны, в которой хочет жить выходец из «другого мира», является основанием для решения вопроса о том, способен ли он интегрироваться в незнакомый для него мир или нет.

Современный мир динамичен, он быстро развивается в пространстве и времени. Первобытное общество длилось десятки тысяч лет, античность – более полутора тысяч лет, Средневековье – около тысячелетия, Ренессанс занял чуть более трёх веков: социальное время всё более и более ускоряет свой бег. Вскрытие закономерностей развития правового пространства и правового времени позволит глубже понять изменения, происходящие в современном мире, предотвратить социальные катаклизмы, сгладить противоречия. В этом высшее предназначение гуманитарного знания, призванного служить человечеству.

Итак, понимание о пространстве и времени даже на естественнонаучном уровне представляет довольно сложную картину. Социальное пространство и социальное время также не могут восприниматься однозначно; это не просто физические категории, опрокинутые в историю, они обладают своей спецификой и своим генезисом. Если, например, для естественных наук время – это совокупность однородных отрезков, то в гуманитарном знании дело обстоит по-другому. История, право, политика – имеют дело с гораздо более сложными процессами, изучаемые события чрезвычайно неоднородны. Чтобы осуществлённая или осуществляемая стихия историзма стала для нас ясной, обратим внимание на то, что всякая история развивается во времени и пространстве и что эта пространственно-временная стихия истории как раз и требует не дифференциального, а уже интегрального функционирования всякого историзма¹.

В целом понятие пространства чаще всего упрощается, под ним понимается конкретная пространственная определённость – физическая, географическая, социальная, историческая, политическая и т.д. В самой такой постановке вопроса нет ничего необычного и противоестественного, но не даёт ответа на один важный вопрос: что это пространство связывает между собой? Мартин Хайдеггер так решает эту задачу: «Путаница касательно интерпретации бытия пространства основана не столько в недостаточном знании предметного содержания самого пространства, сколько в принципиальном недостатке прозрачности возможностей бытия вообще и его онтологически концептуальной интерпретации. Решающее для понимания онтологической проблемы пространства лежит в том, чтобы выпростать вопрос о бытии пространства из узости случайно подвернувшихся и сверх того чаще сырых концепций бытия и во взгляде на сам феномен и разные феноменальные пространственности ввести проблематику бытия пространства в направление выяснения возможностей бытия вообще. В феномене пространства не найти ни единственной, ни даже первичной среди прочих онтологической определённости бытия внутримирного сущего. Еще менее конституирует он феномен мира. Пространство может быть схвачено лишь в возвращении к миру. Пространство не становится впервые доступно только через размирщение окружающего мира, пространственность вообще открывается только на основе мира, именно так, что пространство все же соконституирует мир, соответственно сущностной пространственности самого присутствия в плане его основоустройства бытия-в-мире»².

Таким образом, пространство – это не только характеристика каких-то конкретных определённостей в заданной системе координат (физической, географической и т.п.), но, прежде всего, расположенностью вещей, явлений, феноменов друг относительно друга, нахождению их именно в этой системе координат, посредством чего возможны конвенциональные отношения, вырабатываются общий язык, и устанавливаются определённые правила. В этом смысле, правовое пространство – это не только географическая «расположенность» права того или иного типа, это, в первую очередь, то, что для определённого количества рядорасположенных субъектов права, правовых существ, юридических лиц, государственных и общественных организаций, право представляет ту ценность и то определяющее значение, которое объединяет их в некую социальную общность, в которой заданы те или иные правила поведения.

Мир можно назвать пространственным, поскольку он является местом взаимодействия между средой и субъектом. Социальный мир – не просто мир определенной среды и определенного субъекта, а мир взаимоопосредования этих двух сторон. Причем определенная среда включает в себя одновременно и географическую среду и человеческое общество.

Природа и есть основное опосредование социального мира; можно сказать, что именно она является материнским чревом общественного человека. Но, появившись из природы, человек стал творческим субъектом, созидаящим историю, а природа становится объектом его действий. Это взаимодействие сложно и противоречиво.

Во-первых, свое воздействие на способ жизни человека природа оказывала при помощи климата. На полюсах, нет условий для жизни человека. Тропики – также не лучшее место для развития цивилизации. В свою очередь, умеренный климат стимулирует упорство и устойчивость. Цивилизация возникла на равнинах Египта и Месопотамии, затем переместилась в Грецию и Рим, а оттуда – в центральную часть Северной Европы. Параметры исторического пространства способны были замедлить или ускорить развитие цивилизации, скорректировать её тип и, следовательно, определить формы собственности, а отсюда – и способ государственного устройства и классообразующие характеристики. Достаточно сравнить характеры технологии, типы цивилизации и формы собственности в античном Средиземноморье, чтобы понять это.

Во-вторых, огромное влияние на развитие человека и его культуры природа оказывала своими географиче-

¹ См.: Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. С. 28.

² Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. С.112–113.

скими условиями – наличием рек, морей, гор. Колыбелью цивилизации являются, прежде всего, долины рек: египетская появилась в долине Нила, месопотамская – в бассейне Тигра и Евфрата, китайская – в долинах рек Хуанхэ и Янцзы, индийская – в долинах Ганга и Инда. Города, представлявшие центры уже высокоразвитой культуры, возникали на реках и большей частью при их впадении в море, причем следы этого остаются и поныне. Моря сначала отдаляли людей друг от друга, но по мере развития средств связи, создавались условия для их все более тесных взаимосвязей¹.

Горы, напротив, сильно препятствовали общественным связям людей, и их влияние было скорее отрицательным. Цивилизация развигывалась, прежде всего, на равнинах. Горные местности требовали для своего развития известного времени и потому обычно отставали.

В-третьих, природа имеет большое значение и как источник жизненных ресурсов. Для человека она была сначала просто своего рода кладовой, дающей ему пищу. Поэтому решающее значение для поддержания жизни первобытного человека имели такие факторы, как степень естественного плодородия почвы, наличие обилия рыб в водоемах, дичи и диких плодов в лесах. Затем, с развитием производительных сил, природа стала приобретать важное значение как источник различных средств труда (строительных материалов, полезных ископаемых, источников энергии). Влияние географических условий на человека нельзя представлять как нечто раз и навсегда данное, застывшее; оно изменяется вместе с развитием истории человечества, в соответствии со степенью развития производительных сил человека. Земли, которые раньше не имели никакой ценности и иногда служили скорее даже помехой в жизни человека, впоследствии привлекают внимание всего мира как кладовые важнейших ресурсов.

Первоначально географические условия определяют возникновение и рост культуры, а затем по мере развития сама культура в свою очередь начинает определять географические условия. Представители «географической школы» полагали, что именно географическая среда влияет на психологию и физиологию людей, определяет их наклонности и характер и потому является определяющей причиной, движущей всем общественным строем. Шарль Монтескье в своем произведении «О духе законов» писал: «...Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли; а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума. Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайных редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа. Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, – что составляет задачу политических законов, – или только поддержание его существования, – что составляет задачу гражданских законов. Они должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, – качествам почвы, ее положению, размерам, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, – степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются... чрезмерная жара подрывает силы и бодрость людей, и... холодный климат придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным..., малодушие народов жаркого климата почти всегда приводило их к рабству, между тем как мужество народов холодного климата сохраняло за ними свободу»². В этих суждениях, безусловно, преобладает односторонность в подходе к явлениям, ибо, признавая влияние географической среды на человека, не следует забывать, что и человек в свою очередь влияет на природу и даже, как ему порой кажется, «господствует» над ней. К тому же развитие цивилизации постепенно сводит влияние природы к минимуму, в то время как влияние человека на природу всё время развивается и усиливается.

Итак, при неизменности или почти неизменности³ географических условий человек по мере изменения исторических социальных условий создает совершенно отличную от прежней историю общества. Те народы, которые когда-то создавали античную культуру, оказавшую огромное влияние на историю Европы и явившуюся колыбелью мировой цивилизации, сегодня уже не играют такой роли. Географическая среда этих народов не изменилась по сравнению с древней эпохой, однако история и общественная роль живущих здесь людей приобрела совершенно иное, чем в эпоху древности, значение. Генри Бокль, в своем произведении «История цивилизации в Англии» пошел дальше Монтескье и стал утверждать, что не только климат, но и особенности ландшафта, почвы и географического положения, включая питательную среду, оказывают влияние на характер и психику наций, определяя даже общественно-политический строй. По мнению Бокля, частые повторения природных катаклизмов порождают у людей страх и суеверие и одновременно создают условия для увеличения клерикального влияния. Бокль полагал, что природа таких стран, как Греция и Англия, способствует развитию логического мышления и научного познания; что же касается Испании и Италии то в них нельзя избежать распространения суеверий. Еще в XVI веке русский мыслитель Зиновий Отенский полагал, что в каждой стране обычные нормы складываются на основе конкретных географических и климатических условий, что опосредованно выражает божественную волю. Размеры страны обычно связывались с формами правления. Так невозможность установления республиканской формы правления больших странах высказывали Дени Дидро и

¹ Средиземное море называли «внутренним», так как пути сообщения по этому морю явились центром античной культуры. Самая высокая культура древнего мира развилась по побережьям Средиземного моря, куда включалась Малая Азия и северная часть Африки. Впоследствии, вместе с дальнейшим развитием средств производства и средств связи, центры культуры переходят на побережье сначала Атлантического, а затем и Тихого океанов.

² Цит. по кн.: Правовая мысль. Антология / Автор-составитель В.П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 209.

³ Так, имеются данные о значительном изменении климата Северной Африки, Передней и Средней Азии, вызванной войнами и неумелым хозяйствованием населения, пришедшим на эти земли в Средние века. Были разрушены не только ирригационные сооружения, но и нарушен природный баланс в целом.

Н.М. Карамзин. Им возражал А.Н. Радищев, который, ссылаясь на пример Великого Новгорода, полагал, что размер государства не является препятствием для установления республиканской формы правления. Огюст Конт мыслил будущее мира как объединение пятисот социократий размером с Бельгию или Голландию, поскольку в больших государствах невозможен ни прогресс, ни порядок. Бенжамен Констан считал, что величина государства влияет на степень гражданской активности граждан (в отличие от современной ему эпохи, древние греки и римляне могли непосредственно участвовать в коллективном управлении государством-полисом) и понимании свободы, которая неизмеримо выросла, ибо исчезло почти полное подчинение индивида публичной власти. Широкие обобщения в общественной, политико-правовой жизни, сравнивая Запад и Россию, делали западники и славянофилы. Пространственные характеристики использовал Гегель, характеризуя всемирную историю.

Пространственные характеристики для определения характера русской государственности и существа российского права использовали М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, В.О. Ключевский

Природа – основа истории, ибо история человечества – это дальнейшее развитие истории природы, и рассмотрение истории человечества в качестве единого естественноисторического процесса как раз и составляет особенность материалистического взгляда на историю. Но при этом здесь вовсе не игнорируется различие между человеком и животным, ибо исторические и естественно-географические явления отнюдь не звенья одной цепи.

В одинаковых географических условиях далеко не всегда повторяются одинаковые социальные явления. Географические условия накладывают свой отпечаток на народы. Горцы отличаются от жителей равнин, островитяне всегда обладают особой индивидуальностью и неповторимостью¹. И, сколько бы времени ни прошло, эти различия, видимо, так и не сгладятся. Но, в то же время, нельзя не принимать во внимание и такие исторические факты, когда в районах с совершенно одинаковыми естественно-географическими условиями имеются страны и регионы с резким различием². Таким образом, географическое пространство для человеческой истории, для общественной жизни является постоянно действующим условием среды, и к тому же почти неизменным. Однако субъективная практика усилий человека становится все более независимой от этих условий. Человек на основе своей практики может коренным образом изменить способ общественной жизни и содержание культуры. Поэтому географическое пространство не может быть единственной определяющей движущей силой «изменения» и «развития» общества.

Разнообразие правовых систем обусловлено большим числом собственно юридических и других причин. Но всё же, прежде всего, здесь следует говорить о природных и географических факторах, определяющих различные условия и потребности правовых систем: они действительно будут отличаться и зависеть от островной, морской или континентальной ситуации конкретной страны, а также от рельефа местности, типа растительности, гидрографических и климатических характеристик. Юридические правила довольно частично диктуются природой: право собственности и правовой режим, регулирующий пользование водами, не могут быть одинаковыми в центре Африки и в центре Европы, условия обладания, «цена» самой территории и порядок пользования различны в земледельческих и скотоводческих цивилизациях, на равнинных и горных землях, вблизи и вдали от городов. Влияние народных традиций, религии, лингвистических реалий, реакции общественного мнения, в большей или меньшей степени терпимого или враждебного, на процесс регламентации в целом очевидно: примитивные и развитые общества не имеют ни общей организации, ни общих законов. Источники права, потребности общества и экономические структуры тоже вносят свои существенные коррективы в содержание правовых систем: никогда не управляются одними и теми же методами общество деревенское и общество урбанистическое и индустриальное. Нельзя не учитывать и влияние исторического пути, пройденного странами; их правовые системы могли формироваться в условиях чужеземного господства, претерпеть внедрение на первоначальную почву соответствующих внешних правовых систем, испытать идеологическое дыхание собственных революций³.

Основной недостаток сторонников географического направления заключается в том, что отношение человека к природе они рассматривают как пассивное, не будучи в состоянии оценить его активную деятельность. Человек в отличие от животных не просто приспосабливается к географическим условиям природы, а через производительный труд и развитие последнего сам приспособляет ее к своим потребностям. Дело даже не в том, что животные живут по законам природы, а человек – нет. Напротив, познание законов природы позволяет людям вырабатывать свои законы, регулирующие отношения в обществе, на основе законов природы, с учётом реалий среды обитания.

В социальном пространстве все события и явления происходят не беспорядочно как изолированные и одиочные, а в бесконечной взаимосвязи и взаимообусловленности. Поэтому если заниматься даже самым тщательным исследованием какого-либо события, но рассматривать его в отрыве от других событий, то при всем желании невозможно создать ни действительной картины происходящих событий, ни их истинных причин, ни подлинной истории. Чтобы правильно воспроизвести события как реальную, живую историю, необходимо, прежде всего, уловить ее взаимосвязи в их целостности. События, описываемые даже в мельчайших подробностях и тончайших нюансах, не будут отражать общей картины, если не смогут дать более или менее полного представления об определенной эпохе, об обществе в целом, но главное – если не смогут дать представления об общих закономерностях, о тех законах развития, по которым живёт этот мир, и если более конкретно – то по каким законам живут люди в этом мире.

Любое бытописание останется лишь первоначальной иллюстрацией государства, страны, общества, цивилизации, если не понять законов этого социума, специфики государственности. Подобное описание будет не более чем фактографией без взаимосвязи описанных фактов, а зачастую и с совершенно неправильными выво-

¹ Так, при всём своём различии есть черты неуловимого сходства между собой горцев Кавказа, шотландцев, гасконцев или островитян – британцев и японцев. Любопытно, что для горцев и островитян, проживающих совершенно в различных регионах мира характерна некоторая схожесть обычаев, нравственных норм, отношения к феномену государственности и т.д.

² Израиль и Палестина, Греция и Албания, Аляска и Чукотка, Калифорния и Мексика.

³ См.: Бергель Ж.-Л. Общая теория права. NOTA BENE, 2000. С. 239.

дами. Собственная стагнация и автаркия законсервировала особые деспотические общественные отношения, собственное право-произвол, собственную сверхортодоксальную религию и собственную мораль. Считается, что стагнация и автаркия – синонимы регресса и упадка. Всегда ли это так?

Слабая, разьедаемая внутренними противоречиями Русь, самоизолировавшись, сумела сохранить свою идентичность, утвердить общерусский патриотизм, создать собственные государственно-правовые установления¹. Самоизоляция Японии² позволила сохранить ей свою территориальную целостность, государственный суверенитет, культуру, национальную религию (синтоизм). В дальнейшем это послужило основанием для небывалого подъёма Японии. Необычайная восприимчивость, умение заимствовать чужое при сохранении собственного позволило Японии достичь уровня ведущих западных стран в течение жизни одного поколения – за тридцать лет³.

Человеческое общество всегда имеет определенные границы. Историческое пространство не может быть беспредельно великим. К тому же, если оглянуться вглубь истории, мы обнаружим, что по мере приближения к первобытному обществу «пространство обитания человека» становится все более тесным. Древнегреческие города-государства, раздробившие небольшой полуостров на десятки отдельных частей, в конечном итоге так и не смогли слиться в одно государство⁴. В Греции малые государства вели отнюдь не такую уж замкнутую жизнь, между ними, конечно, осуществлялись какие-то связи. Частые войны, большие и малые только подтверждали это. Война – это, прежде всего, прекращение связей между воюющими государствами, духовное и идеологическое противостояние. Но войны – это и следствие довольно сильного столкновения интересов, наличия сложных непосредственных связей между государствами. Если страны не имеют никаких связей между собой, то здесь невозможно и возникновение войны.

И все же по сравнению с современностью сфера тех обществ была очень узкой. Если взять в целом историю человеческого общества, то чем дальше уходить в прошлое, тем беднее становятся производительные силы, а на первобытной ступени, когда человек только отделился от животных, обнаруживается, что он находился тогда на положении, близком к животному, а его производительные силы были близки нулю. Даже тогда, когда люди стали изготавливать кое-какие орудия, добывалось лишь крайне ограниченное количество самых необходимых для жизни продуктов. В ту эпоху, даже при необходимости вести групповой образ жизни, человек не имел иной возможности, кроме ведения замкнутого хозяйства, нацеленного на обеспечение себя лишь самым необходимым. Для обмена, контакта с соседними племенами необходимо было постоянное расширение производства продуктов, превышающее необходимое количество их для поддержания своей жизни. Замкнутая в себе экономика не ощущает необходимости связи с другими общинами. Чем ниже ступень развития производительных сил, тем уже общественная сфера человека, тем ограниченнее его кругозор, и в таких условиях невозможно избежать шовинизма, раздуваемого иногда до фантастического самовозвеличения. Вот почему, например, греки искренне полагали, что Элладу окружают неразвитые народы, варвары, говорившие на непонятных и неблагозвучных языках⁵. В Китае считали, что их государство является центром мира⁶, и потому там долгое время господствовало представление, согласно которому на востоке была дикость, а на западе – варварство, на юге – дикость, а на севере – тоже варварство. В Японии до самого последнего времени считали, что их страна является священной, не идущей в сравнение ни с одной другой страной мира, и ее миссия – господство над всем миром. Характерно, что японцы называли европейцев южными варварами, ибо прибывали редкие европейцы в Японию, высаживаясь в южном порту Нагасаки именно с юга. Откуда, в самом деле, прибывали европейцы, японцев тогда просто не интересовало. Пространство – как географическое, так и историческое, и социальное, и геополитическое – имело свои центры именно Японию, а всё остальное было как бы приложенным к ней⁷. Поэтому, захватнические войны Японии в Азии считались естественным делом. Но всё это означало не что иное, как неумение освободиться от такого рода сознания, которое характерно для общества с низким уровнем развития производительных сил. Подобные же примеры можно привести относительно Испании, Византии и даже Англии. «Разделившие» мир по Тордесильяскому (1494 г.) и Сарагосскому (1529 г.) договорам испанцы и португальцы искренне не понимали, как это англичане, французы и даже голландцы позволяют себе вмешиваться в эти отношения и претендовать на земли во внеевропейском пространстве. Многие мусульманские лидеры и до сих пор считают всё мировое пространство собственностью Аллаха, а пребывание на этих землях неверных – историческим недоразумением, явлением временным и незаконным.

В первобытном обществе невозможно было избежать многого, но, прежде всего, ограниченности в обмене продуктами первой жизненной необходимости. Можно даже предположить, что само разделение труда в человеческом обществе стало возможным именно благодаря тому, что сначала была создана экономика самоудовлетворения, то есть замкнутая в себе экономика. Поэтому историю становления человечества нельзя представить себе иначе, как в виде появления специализированного производства по районам природных условий: приморских, горных и т. д. Первобытные и примитивные культуры тесным образом привязаны к определённо-

¹ Именно для периода самоизоляции характерно принятие таких государственно-правовых актов как Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Судебник 1589 г. Соборное Уложение 1649 г.

² Монголы, покорившие всю Азию, не сумели завоевать Японию. Дважды, в 1274 и в 1281 гг. божественный ветер «камикадзе» (налетевший тайфун) способствовал победе японцев над превосходящими силами врага.

³ Одной из главнейших черт японского характера является черта, называемая самими японцами «медзурасия». С известной натяжкой это можно перевести как любовь к чужому и новому. Напротив, для культур, сложившихся в очень древние времена (Китай, Индия), характерна любовь к своему и старому.

⁴ Афины, оказавшие в высшей степени глубокое влияние на всю мировую культуру, в период своего наивысшего расцвета после Персидских войн насчитывали 90 тыс. населения, а вместе с рабами и метеками – всего несколько сот тысяч человек.

⁵ Βάρβαροι, barbari – непонятно болтающие (греч., лат.).

⁶ «Китай» по-китайски – это «джун го» (середи́нное государство).

⁷ На уровне мифологического сознания, характерного для примитивных или молодых сообществ, эгоцентризм является вполне естественным. Вспомним нашу советскую детскую вполне эгоцентрическую сентенцию: «Начинается Земля, как известно, от Кремля».

му типу хозяйствования, обусловленному природными, географическими, климатическими условиями проживания людей. Поэтому отдельные локальные культуры, находящиеся на периферии цивилизации, до сих пор завязаны на потребление исключительно рыбы, морского зверя, продуктов тайги, тропического леса, на примитивный горный или пустынно-степной нomaдизм и т.п. У примитивных народов, как правило, самоназванием являлся термин «человек», «люди». Они уже выделили себя из природы, сумели заметить своё отличие от животного мира, но ещё не умеют увидеть своего родового сходства с другими людьми, с окружающими их племенами¹. В представлении первобытного человека представитель соседнего племени скорее часть мира природы, такой же, как и тигры, буйволы, газели, медведи, моржи и т.д. Он также дик, непонятен, враждебен, опасен, также не является субъектом социальных отношений².

И только развитие производства содействует расширению связей и торговли между людьми. Первоначально редкие и случайные, затем постоянные и необходимые эти контакты по товарному обмену, а затем по другим сферам деятельности постепенно подводили первобытные племена к цивилизации. Цивилизация начинается тогда и там, где люди начинают осознавать своё родство с представителями соседнего племени, но главное – начинают договариваться с соседями, признавая, тем самым, за соседями схожесть с собой, и возможность принятия соседями разумных решений, и своё нахождение с ними на одном правовом поле³. Связи между отдельными районами и народами; развитие путей сообщения и торговля расширяют сферу общественной жизни, и, наконец, последнее способствует прогрессу исторической культуры. В междуречьях, заложивших основы цивилизаций, складывались соответствующие характеру производительных сил свои общественные и политические отношения. Но ни одна из этих культур не являлась той силой, которая могла породить современную мировую культуру. Для появления высокой мировой культуры необходим взаимобмен между отличающимися друг от друга районами, народами, социальными сферами. Особенности исторического развития обусловлены конкретными условиями бытия каждой цивилизации. Так, в Китае «титутельная нация» «вбирает» в себя все аспекты новаций, в Европе – налицо этническое многообразие, и каждый народ вносит что-то своё новое в копилку общемировых ценностей. Например, в Средиземноморье монотеизм пришёл к евреям, философия – к грекам, создание системы права – к римлянам. А в Китае или Индии – и религия, и философия, и право развивались в рамках одной культуры. Средиземноморье имело преимущество и в том, что здесь различные культуры взаимопроникаются с наибольшей полнотой. Развитые производительные силы стран Востока, представленные, прежде всего, египетской и месопотамской культурой, достаточно быстро стали достоянием всего мира, а античность получила наивысшее историческое признание как колыбель европейской культуры. На Востоке различные народы разделяло не Средиземное море, наиболее удобное для судоходства и взаимных контактов, а высокие горы, обширные пустыни и непроходимые джунгли.

Европейское право сыграло особую роль в освоении мирового пространства. Будучи неотъемлемым атрибутом западного мироощущения, право стало одним из важнейших инструментов, наряду с религией, философией, совершенными мирными и военными технологиями, с помощью которых Запад распространил своё внимание на весь мир. Восток никогда не знал права в европейском смысле слова. Европейские правовые системы пришли не только туда, где всегда традиционно существовали собственные национальные, религиозные правовые системы, но и туда, где нормой жизни было обычное право, да и туда, где жизнь регулировали только мораль и обычаи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М.: NOTA BENE, 2000.
Berzhel' Zh.-L. (2000) Obshchaya teoriya prava. NOTA BENE, Moskva.
2. Библия. М.: Изд-во «Российское библейское общество», 2009.
Bibliya. Izd-vo «Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo», Moskva. 2009.
3. Верле А.В. Пространство прошлого: ритм – контекст – событие // Модусы времени: социально-философский анализ: Сб. статей под ред. И.В. Кузина. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005.
Verle A.V. (2005). Prostranstvo proshlogo: ritm – kontekst – sobytie. In: Modusy vremeni: sotsial'no-filosofskii analiz: Sb. statei pod red. I.V. Kuzina. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universitet, S.-Peterburg. 2005.
4. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.
Losev A.F. (1977). Antichnaya filosofiya istorii. Nauka, Moskva.
5. Правовая мысль. Антология / Автор-составитель В.П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
Pravovaya mysl'. Antologiya. Avtor-sostavitel' V.P. Malakhov. Akademicheskii projekt; Delovaya kniga, Moskva - Ekaterinburg. 2003.
6. Успенский Б.А. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема // Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002.
Uspenskii B.A. (2002). Istoriya i semiotika: Vospriyatie vremeni kak semioticheskaya problema. In: Etyudy o rus-skoi istorii. Azbuka, Moskva. 2002.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006.
Khaidegger M. (2006). Bytie i vremya. Nauka, S.-Peterburg.

¹ Бесчеловечное поведение нomaдов на завоеванных территориях также обусловлено этим феноменом: аборигены не были «настоящими людьми».

² Этим объясняется каннибализм первобытных и примитивных племён, в том числе и современных нам. В их представлении настоящими людьми являются только их соплеменники.

³ Возможно, именно здесь закладывалось пра-международное право как источник современного цивилизованного права. Первые формальные, правовые и процедурные контакты были именно между чужими людьми, отношения внутри сообщества, возможно, ещё регулировались обычаями, моралью и др.